

С наступлением ночи малый пир официально начался, и пик Цзяньсяо наполнился радостным смехом и гомоном голосов.

За исключением отлучившегося Е Чжэна и находившейся в уединении Фэн Сяоюэ, все остальные личные ученики были в сборе, так что пир просто не мог не выйти шумным.

Старшие личные ученики прекрасно знали друг друга, и если не считать того, что Сы Цзюньчжань и Шэнь Яньшу вечно ладили с грехом пополам, среди остальных царило полное единодушие и гармония.

Новоприбывшие личные ученики хоть еще и не освоились, но под присмотром собственных старших братьев и сестер вели себя тише воды ниже травы, не смея допускать ни малейшей вольности.

Даже Ло Шуанбай и Лю Сунлань, которые испокон веков не переваривали Юнь Фэймяо, сейчас не выказывали ни капли враждебности, словно и впрямь гармонично влились в эту большую семью.

Однако Юнь Фэймяо в глубине души прекрасно понимал: Лю Сунлань действительно мог стать частью этого круга. Пусть тот и питал чувства к Ло Шуанбаю и из-за этого недолголюбил Юнь Фэймяо, он никогда не опустился бы до того, чтобы ради Ло Шуанбая нанести подлый удар собрату по ордену.

А вот с Ло Шуанбаем всё обстояло иначе. Этот человек ради достижения своих целей не брезговал никакими средствами. За исключением той горстки рогатых демонов из пограничья, которые являлись его нерушимой гранью, Ло Шуанбай был готов использовать всё что угодно и без колебаний пошел бы на любую подлость.

И всё же сейчас Ло Шуанбай источал лучезарные улыбки и вел непринужденные беседы. Юнь Фэймяо мог выказывать ему холодность, но не имел права напрочь забывать о приличиях, иначе по секте Ванцзянь вмиг поползли бы слухи о его грубости, невоспитанности и капризном нраве.

Точно так же дела обстояли в свое время на перевалочном пункте Западного континента.

Просто Юнь Фэймяо не любил лицемерить перед людьми; прежде он не знал, как правильно себя вести, но, вдоволь насмотревшись на то, как Се Ян ухитряется одаривать окружающих ледяным видом и при этом не давать ни единого повода для упреков, он наконец прозрел: «Оказывается, можно поступать и так».

Достаточно лишь сохранять бесстрашие на лице и безукоризненно соблюдать этикет.

Благо лицо у него оставалось по-детски нежным, так что обычное отсутствие эмоций никто не принял бы за намеренно недовольную мину.

Ло Шуанбай, глядя на такого Юнь Фэймяо, лишь мысленно сокрушался, что с кем поведешься, от того и наберешься. Прежде с молодым господином Юнем было так легко управляться, как же он ухитрился стать таким скользким всего за полмесяца общения с Се Яном?

Ему по-прежнему не давала покоя мысль, что Юнь Фэймяо с такой легкостью вырвался из его ловушки заимствования удачи. Поэтому даже сейчас, заводя разговор с Юнь Фэймяо, он то и дело пытался вплетать в свои речи скрытые капканы, желая спровоцировать того на неподобающий выпад и тем самым рассорить с остальными личными учениками.

К его глубокому разочарованию, Юнь Фэймяо обошел все до единой ловушки в разговоре, и хотя держался слегка отстраненно, придаться к его поведению было решительно невозможно.

К тому же Юнь Фэймяо ранее открыто заявил, что его бывший жених питал нежные чувства к Ло Шуанбаю, так что все присутствующие относились к подобной прохладе со стороны младшего брата с полным пониманием.

Из-за этого Ло Шуанбай чувствовал себя донельзя униженным, и в его сердце с новой силой закипала обида на Юнь Фэймяо.

Пусть даже старшие братья и сестры общались с ним как обычно, ему то и дело казалось, будто все они, за исключением Лю Сунляня, втайне презирают и высмеивают его.

Остальные ученики, конечно, и понятия не имели о ранимом эго Ло Шуанбая. И пускай тот факт, что бывший жених Юнь Фэймяо умудрился влюбиться в Ло Шуанбая еще при наличии действующей помолвки, делал их отношение к последнему несколько неоднозначным...

Но не зная всей картины, они предпочитали воздерживаться от суждений. Истинное отвращение у них вызывал лишь этот неведомый Сыту Синь, которого они в глаза не видели, тогда как к Ло Шуанбаю они пока просто присматривались.

К тому же, когда вокруг раскинулись чарующие пейзажи, а столы ломились от изысканных яств, никто не желал упускать эти редкие благословенные мгновения.

Куда больше всяких сплетен им хотелось в полной мере насладиться цй ночью и как следует пообщаться с товарищами по ордену.

Лишь Шэнь Яньшу, Сы Цзюньчжань и Бай Юаньчэнь бесстрастно наблюдали за новоприбывшими личными учениками, постепенно составляя в уме общее представление о характере каждого из них.

— Похоже, в этом году к нам привалила целая орава на редкость бойких малых. Боюсь, отныне в нашей секте Ванцзянь скучать не придется, — Бай Юаньчэнь с улыбкой покачал головой, и взгляд, которым он окинул Ло Шуанбая, таил в себе некий двусмысленный намек.

Шэнь Яньшу тоже мазнул взглядом по Ло Шуанбаю и сухо обронил:

— Шумного веселья мы не боимся, лишь бы до беды не докатилось. Впредь за ним придется приглядывать в оба глаза.

Бай Юаньчэнь вновь покачал головой:

— Потоки удачи вокруг этого человека слишком причудливы, боюсь, обычным присмотром тут не обойтись. Лучше каждому самому держать ухо востро.

Сы Цзюньчжань же со смешком отозвался:

— Я больше всего на свете не терплю лишних хлопот, так что, кроме собственного младшего брата, мне до чужих дел нужды нет. Осторожность скорее следует проявлять второму старшему брату Шэню. Как-никак, всей секте известно: чуть что стряслось — ищи брата Шэня. В будущем этому человеку наверняка еще не раз придется докучать тебе своими заботами.

И то верно, ведь Шэнь Яньшу уже был негласно определен главой секты как будущий

преемник на этот пост.

Шэнь Яньшу с улыбкой парировал:

— Однако у меня с ним нет никакого соперничества за ресурсы. А вот брату Сы, чьи потребности в ресурсах культивации во многом пересекаются с его нуждами, пожалуй, стоит беспокоиться куда сильнее?

Улыбка в то же мгновение застыла на лице Сы Цзюньчжэня, а бдительность по отношению к Ло Шуанбао в его душе возросла еще на несколько порядков.

— Неудивительно, что Сяо Ци так ладит с ним с грехом пополам. Этот малый, верно, пуще всех зарится на ресурсы культивации, предназначенные для нашего Сяо Ци.

Шэнь Яньшу едва заметно кивнул:

— В грядущих испытаниях нам в обязательном порядке придется разводить его в стороны с остальными младшими братьями и сестрами, обладающими духовными корнями льда и воды, иначе легко может приключиться беда.

— Второй старший брат, чего это вы трое опять сошлись вместе и шепчетесь по углам? — Юнь Фэйинь с непонимающим видом просунул голову между ними, с любопытством переводя взгляд то на Шэнь Яньшу, то на Сы Цзюньчжэня.

Он искренне не мог взять в толк: в обычные дни Шэнь Яньшу и Сы Цзюньчжэнь с виду на дух друг друга не переносили, особенно Сы Цзюньчжэнь, который за глаза не упускал случая очернить Шэнь Яньшу.

Но при этом они с завидным постоянством сходились вместе ради обсуждения дел. И пускай между ними частенько вклинивался Бай Юаньчэнь или первый старший брат, количество раз, когда эти двое секретничали с глаза на глаз, определенно превосходило все мыслимые пределы.

Шэнь Яньшу с улыбкой слегка похлопал Юнь Фэйиня по голове:

— Третий младший брат тоже желает примкнуть к нам?

— Нет-нет-нет! — Юнь Фэйинь поспешно замахал руками. — Если дело не касается драки, меня вообще ни о чем не просите, я в этом совершенно не смыслю!

Стоило ему увидеть подобную улыбку Шэнь Яньшу, как в нем просыпался суеверный страх. Предыдущие несколько раз, когда Шэнь Яньшу вот так же с улыбкой хлопал его по макушке, неизменно заканчивались тем, что тот вываливал перед ним гору толстенных свитков и ведомостей, заставляя помогать с разбором и записями.

Он ведь человек простой, откуда ему взять сноровку для столь кропотливого труда?

От одних только текстов, не имевших отношения к боевым техникам, у него начинала раскалываться голова.

— Умница, — Шэнь Яньшу вновь с улыбкой похлопал его по плечу, после чего всучил ему в руки тарелку с духовными плодами грозового атрибута. — Ступай-ка лучше поешь, а если совсем скучно станет, пойдешь пообщаться со своим младшим братом, укрепи родственные узы.

Юнь Фэйиню ничего не оставалось, кроме как покорно вернуться на свое место подле Юнь Фэймяо.

Шэнь Яньшу рассудил, что если они втроем продолжают шушукаться, то Ло Шуанбай и сам может почуять неладное, а потому увлек Бай Юаньчэнь обратно в круг веселящихся учеников.

— Сегодняшняя ночь — это редкая возможность сойтись вместе за одной трапезой. Как самый старший среди присутствующих здесь братьев, я хочу первым делом поднять чарку за всех вас, дабы поприветствовать наших новых младших братьев и сестер, — Бай Юаньчэнь первым высоко воздел свой кубок.

Среди этой компании он не только обладал наибольшим жизненным опытом, но и его культивация превосходила остальных. Посему, стоило ему взять слово, как все разговоры и движения вмиг затихли, и ученики дружно подняли свои кубки навстречу.

Бай Юаньчэнь коснулся своим кубком кубков остальных по воздуху, после чего отступил в сторону, уступая место Шэнь Яньшу.

Речь Шэнь Яньшу оказалась куда более пространной. Сперва он выразил заботу в адрес новоприбывших младших братьев и сестер, затем настоятельно призвал старших учеников поднажать в культивации, дабы младшие невзначай не обошли их на повороте.

Следом он счел необходимым вскользь упомянуть и напомнить о нескольких важнейших правилах ордена, и лишь под конец озвучил свои благие пожелания о том, чтобы все личные ученики жили в мире, гармонии и рука об руку двигались к вершинам мастерства.

Зато слова, с которыми он в итоге поднял кубок, вышли на редкость краткими — всего три слова:

— За нашу встречу!

Сы Цзюньчжань подхватил его почин, высоко вскидывая свой кубок:

— За то, чтобы видеться чаще!

И тогда старшие личные ученики один за другим принялись поднимать тосты, строго сообразуясь со старшинством по ордену и уровню культивации.

— За этот прекрасный миг и чудесный пейзаж!

— За вечную и нерушимую волю меча!

— За бескрайние просторы неба и земли!

— За то, чтобы богатство текло к нам рекой!

— За...

Новоприбывшие ученики внимали каждому слову с величайшим почтением, особенно Гун Чжоу, у которого от этих речей кровь в жилах закипала всё сильнее. Стоило ему вспомнить свои прежние невзгоды, а затем взглянуть на великолепие сегодняшней ночи, как едва Ту Ди выкрикнула свой тост «За то, чтобы мириады бабочек слетались ко мне», Гун Чжоу тут же вскинул свой кубок:

— За то, чтобы избыть все беды и дожидаться счастья!

Ему отчаянно хотелось верить, что все его невзгоды, преграды и мучения остались позади, за чертой его семнадцатилетия. Ныне он вступил в секту Ванцзянь, окончательно покинул Западный континент и вырвался из цепких лап клана Гун, а значит, пришла пора навек распрощаться со всеми их притеснениями и покушениями.

Ему хотелось верить, что отныне каждый день в его жизни будет наполнен ясным солнцем.

Выпив со всеми, он не удержался и подскочил к Се Яну, со звоном ударяя о его кубок:

— За то, чтобы удача повернулась к нам лицом, за крутые виражи судьбы и за свет в конце тоннеля!

Се Ян не сдержал доброй улыбки и тоже охотно коснулся его кубка своим:

— За то, чтобы твой грядущий путь был гладким, за исполнение всех желаний и... стань уже чуточку сообразительнее.

Хмель уже успел ударить Гун Чжоу в голову. Он в некотором замешательстве мотнул головой и, глуповато уставившись на Се Яна, спросил:

— Ну а как же ты сам?

— Я? — Се Ян покачал головой, и в его глазах промелькнула мимолетная тень. — Моему пути гладким не бывать.

— А-Фэн, о каком это пути ты говоришь, что ему не бывать гладким? — заметив, как Се Ян внезапно помрачнел лицом, Юнь Фэймяо поспешил придвинуться ближе.

— Ни о чем, — Се Ян с улыбкой коснулся кубка Юнь Фэймяо. — За нашу встречу после долгой разлуки.

— Угу-угу, — Юнь Фэймяо тоже слегка захмелел. Он радостно закивал головой, раз за разом ударяя своим кубком о кубок Се Яна. — За то, чтобы мы встретились и узнали друг друга, за то, чтобы делили радости и... сочетались браком?

— Не так, — Юнь Фэймяо потрянул головой. — Делили радости и оставались вместе навек? Хм, тоже как-то странно звучит?

Гун Чжоу, стоявший рядом, со смешком закивал:

— Еще бы не странно! Если вы продолжите в том же духе, то так и до любви до гроба да лебединой верности недалеко, как тут не зазвучать странно?

В голове у Юнь Фэймяо окончательно всё поплыло, и он брякнул первое, что пришло на ум:

— Мы с А-Фэном изначально самые лучшие друзья на свете, само собой, мы питаем друг к другу искреннюю преданность и любовь!

Юнь Фэйинь, покачивая в руке кувшин с вином, нетвердой походкой приблизился к Юнь Фэймяо и легонько шлепнул его по лбу:

— Сяо Ци, завязывай с тостами, а то еще пара чарок — и ты сам не заметишь, как продашь

себя с потрохами младшему брату Се. К тому же ты ведешь себя донельзя странно. Все остальные поднимают кубки за общее благо, почему вы двое пьете исключительно друг за друга? Выглядит так, словно вы чарки на свадебном пиру осушаете.

Сказав это, Юнь Фэйинь снова легонько шлепнул Юнь Фэймяо по макушке:

— Живее! Подними кубок за всех присутствующих.

Этот шлепок немного вернул Юнь Фэймяо ясность мысли. Он высоко воздел свой кубок и во весь голос провозгласил:

— Пью за то, чтобы великая удача и благословенные звезды завжды вели нас с вами по жизни! Пусть любые подлецы, что встретятся на нашем пути, сгинут без следа, а любые коварные замыслы против нас обернутся сокрушительным ударом против самих заговорщиков! Пусть любые узкие горлышки в культивации проходиться гладко и без потерь, а в моменты смертельной опасности завжды открывается спасительный джерело жизни! Пусть путь к вознесению будет прям и чист, и пусть пред нами откроются выси девяти небес, дабы мы могли парить там в полном упоении и свободе!

<http://bllate.org/book/17668/1661988>